

Агата Колаковска

Французская дискуссия на тему границ Европы

Последние месяцы 2004-го и весь 2005 год во Франции были периодом, в который оживленно обсуждалось будущее Европы, и происходило это по причине двух важных для политической жизни событий: ратификационного процесса Договора, учреждающего конституцию для Европы (ДУК) и подготовки к началу переговоров о вступлении в ЕС Турции. Эти две проблемы в большой мере определили направление дискуссии, а действия властей – как Франции, так и, в особенности в середине 2005 г., Турции – повлияли на ее динамику.

Контекст дискуссии

Анализируя факты упомянутого периода в хронологической последовательности, можно прийти к выводу, что дискуссию о форме Европы оживили действия Европейской комиссии, рекомендовавшей начать акцессионные переговоры с Турцией, а затем решение Европейского совета об их начале в октябре 2005 г. Следующим существенным событием было принятие объединенными палатами Национального собрания и Сената поправок к конституции в феврале 2005 г. Большинство введенных изменений было следствием подписания ДУК, лишь одна поправка составляла исключительно французскую инициативу и учитывала не столько сам договор, сколько будущие границы Европейского союза – перед каждым новым расширением ЕС (исключая ближайшее вступление в ЕС Болгарии, Румынии, а также Хорватии) в стране будет органи-

зован референдум, от результатов которого будет зависеть согласие Франции на признание статуса члена новым кандидатам. Наибольшая опасность, связанная с принятой поправкой, состоит в том, что референдум будет проводиться уже после окончания переговоров и согласования заинтересованными сторонами содержания договора. Ибо, с одной стороны, это дает возможность политического ослабления последствий отказа на референдуме от конкретного расширения: потенциальный отказ касается не самого кандидата, а лишь установленных в процессе переговоров условий членства, которые не соответствуют ожиданиям (не ослабляют страхов и угроз) голосующих. С другой стороны, последствия потенциального отказа пока трудно предвидеть, так как они будут иметь отрицательное влияние не только на государства-кандидаты, но и на доверие к обязательствам, которые берет на себя весь Европейский союз.

Введение поправки налагает также, как следует из декларации французских властей, дополнительную обязанность на государства-кандидаты. Именно их задачей должно быть убеждение французского общества в своей готовности к членству в Европейском союзе, поэтому можно ожидать, что власти Франции не будут интенсивно вмешиваться в процесс расширения ЕС.

29 мая 2005 г. Франция голосами своих граждан отвергла ДУК, став таким образом одним из катализаторов кризиса ЕС, оцениваемого зачастую как один из самых серьезных в истории европейской интеграции. Среди многочисленных попыток объяснения причин неприятия французами договора существенное место отводится целой группе оснований, связанных с границами и расширением Евросоюза. Отвергая ДУК, Франция выразила свой протест против расширения за счет десяти государств Центральной и Восточной Европы с мая 2004 г.; выступила против расширения ЕС вообще, воспринимая его как «забегание вперед», делающее невозможным более важное для Франции углубление интеграции; проявила беспокоящие ее опасения, связанные с процессом глобализа-

ции и его невыгодными последствиями (делокализацией, притоком эмигрантов, растущей безработицей и т. д.); наконец, выразила протест против конкретной – турецкой – кандидатуры.

Множество объяснений свидетельствует о том, что причины французского протеста трудно определить однозначно, и о том, что прежние попытки в этой области остаются неудовлетворительными. Поэтому самый важный вывод, следующий из возникшей ситуации для дискуссии о будущем Европейского союза, а в особенности для будущих этапов расширения, мало оптимистичен: если властям Республики, убежденным в правильности положений, принятых в ДУК, не удалось убедить в этом большинство граждан, шансы на членство новых кандидатов, особенно при однозначно меньшей поддержке политических предводителей ЕС, минимизируются.

Причины, по которым возможность расширения Европейского союза за счет Турции стала катализатором размышлений на тему границ ЕС и которые охотно указывают французские исследователи, следующие. Во-первых, прежние этапы расширения ЕС с точки зрения критерия европеизма (независимо от его дефинирования) не являлись проблемой. Независимо от того, шла ли речь об Испании, Финляндии или Польше, по крайней мере интуитивно новые государства-члены воспринимались как принадлежащие к «сердцу Европы». Турция – первое периферийное государство, претендующее на статус члена ЕС. Можно ли в ее случае говорить об интеграционном «призвании»?

Оживление мотива дискуссии, затрагивающего упомянутое призвание, иными словами, знание правил, которыми управляется ЕС, и желание им подчиняться, явно просматривалось на рубеже июля и августа 2005 г. По случаю подписания с государствами-членами таможенного соглашения Турция издала декларацию, в которой предупредила, что подписание этого соглашения не может восприниматься как признание Кипра, государственность которого она подвергает сомнению. Французская реакция была немедленной, премьер Виллепен

выразил даже мнение, что Европейский союз должен воздержаться от начала акцессионных переговоров до момента признания Кипра турецкими властями. Проблема начала (или отмены) переговоров имела решающее влияние на ход дискуссии о границах и европейской идентичности, хотя самые существенные вопросы не были поставлены прямо: является ли Турция (достаточно) европейской?

При этом следует заметить, что в преобладающем количестве французских высказываний Европа и Европейский союз являются понятиями идентичными, из чего для дискуссии о будущих границах вытекают существенные следствия. Первым из них является необходимость дефинирования Европы – и здесь между собой сталкиваются две главные линии понимания. Согласно первой, принадлежность к Европе (а поэтому и к Европейскому союзу) определяется географическим положением. Другая линия рефлексии концентрируется на Европе как общности, прежде всего общности исторического наследия и признаваемых ценностей. Второе же следствие – определение роли, которую Европа–Европейский союз должна играть в мире, как должна восприниматься, а также как должна воспринимать саму себя. Поле маневра – и это на протяжении десятилетий – определяют два крайних видения: Шарля де Голля с Европой от Атлантики до Урала и Поля Валери, для которого Европа была лишь частью, дополнением к азиатскому континенту.

Концепции Европы – и их последствия для определения границ

Исходной точкой для дискуссии является бесспорное убеждение в том, что существует возможность установления окончательной внешней границы Европейского союза – границы, за которую ЕС не выйдет; ведь процесс расширения не может продолжаться бесконечно. Потенциальная акцессия Турции, как евроазиатского государства, с другой культурой, традицией, в том числе религиозной, дает хороший повод для того, чтобы очертить европейские границы окончательным

образом. Поэтому настолько же, насколько причина дискуссии и ее тематика представляются хорошо определенными, прозрачность ситуации ограничена рядом сопутствующих проблем. По мнению многих участников дискуссии невозможно анализировать будущее границ в отрыве от гораздо более трудноуловимого понятия европейской идентичности. В особенности если к проблеме идентичности прибавляются европейская «душа» (лишенная религиозных коннотаций ссылка на источники европейской цивилизации, ее прочность и территориальный масштаб), или «природа», оперирующая географическими и этническими критериями.

Будущий географический масштаб Европейского союза не может анализироваться в отрыве от более комплексных проектов развития ЕС как актора международных отношений. Говоря наиболее общо, рассматриваются три видения развития: союз, охватывающий европейский континент, но понимаемый как зона цивилизации Запада; союз, открытый для широкой группы государств евро-средиземноморского цивилизационного пространства; союз глобального масштаба, без априорно установленных внешних границ.

Концепция политической Европы предполагает существование европейского общественного порядка, который самым общим образом можно охарактеризовать как модель опекунского государства. Эта модель обеспечивает уникальный в глобальном аспекте уровень социальной справедливости благодаря перераспределению, проводимому в невиданном в других регионах масштабе. К этому прибавляется забота о природной среде и абсолютная защита прав граждан, символами чего являются соответственно Киотский протокол и отмена смертной казни или специализированных судов. Политический проект предполагает также существование общности ценностей, за соблюдением которых следят демократически избранные институты. Защита интересов такого сообщества требует передачи странами-членами своих государственных компетенций, особенно в социальной сфере и в области охраны окружающей среды, на союзный уровень.

Политическая Европа, основу которой составляет общность государств, имеет определенные внешние границы, охватывающие европейский континент. Это значит, что вступление в Европейский союз стран Балканского полуострова безусловно закончит процесс расширения ЕС. Турция, как государство в преимущественной степени азиатское, с другой культурой, не сможет занять место в ЕС.

Другой возможностью является развитие ЕС в направлении Европы как державы. Это видение использует чувство общности, вытекающее из функционирования политического проекта, но предполагает, что деятельность ЕС будет направлена вовне, активно формируя процессы глобализации. Для реализации этого видения необходимо убеждение в универсальном характере европейской модели, конкурентной по отношению к либеральной американской модели. Европа-государство имеет собственную концепцию международного порядка, опирающегося на протест против насилия, использование международно-правовых решений, договорные процессы и мирное разрешение споров. Она стремится к развитию мультилатерализма как эффективного инструмента формирования международных отношений на основе опыта, накопленного в процессе интеграции. Условием такого развития ситуации является укрепление компетенции ЕС в области внешней и оборонной политики.

В интересах таким образом определенной Европы-государства находится расширение ее границ до такой степени, чтобы они охватили периферийные государства, не только Турцию, но и бывшие советские республики (Украину, Белоруссию и Молдавию), и даже те государства южного побережья Средиземного моря, которые расположены на территории античной европейской цивилизации. Такой обширный Европейский союз может распространить сферу своего влияния на неевропейские территории, воздействуя даже на Ближний Восток. В то же время, однако, маловероятно, чтобы все государства были одинаково заинтересованы в этом и склонны к отказу от большей части национального суверенитета с

целью участия в интегрированной политике сообщества. Поэтому Европу-государство будут составлять две группы стран: федеративный политический центр и периферия, интегрированные в степени, соответствующей нынешнему Европейскому союзу.

Следующий возможный сценарий будущего Европейского союза – это демократия мирового масштаба, основным условием развития которой является продолжение процессов расширения. Вступление в ЕС в этой концепции понимается инструментально – как гарантия быстрого и успешного (что доказывают примеры Испании или Ирландии) повышения уровня экономического развития. Роль, которую непрерывно увеличивающийся Евросоюз мог бы играть в мире, в своей основе близка к Европе-государству. Разница состоит в том, что рост могущества ЕС является не самоцелью, а лишь «побочным эффектом» новых расширений, поэтому он не должен возбуждать опасения среди других государств со сверхдержавными амбициями. Более того, процесс возникновения демократии глобального масштаба должен следовать не из стратегического планирования, а быть лишь производной привлекательности ЕС, а поэтому и интереса третьих государств к членству, невзирая на их географическое положение. Условием обретения членства при реализации этого сценария была бы функционирующая демократия, соблюдение прав человека и способность справляться с конкурентным прессингом на свободном рынке.

Очерчивание границ и третьи государства

То, как будут проходить новые этапы расширения Европейского союза, в значительной мере будет зависеть от характеристики критериев членства. Их определение является вызовом на ближайшее десятилетие с лишним – до момента окончания переговоров с Турцией.

Французские власти подчеркивают также, что ключевой для будущих расширений будет способность самого ЕС к при-

нятию новых членов. Эта формулировка означает не только готовность к финансированию акцессионного процесса, но прежде всего беспрепятственную возможность дальнейшего углубления интеграции между государствами-членами. Она, в свою очередь, зависит от проведения глубоких институциональных реформ.

Следующей проблемой, существенной для будущих расширений, является изменение в подходе к акцессионным переговорам. В частности, в результате давления Франции было принято решение, согласно которому переговоры имеют характер *open ended*, т. е. с не определенным заранее итогом; иными словами, начало переговоров неравнозначно обретению статуса члена после их окончания. Ибо возможна выработка другой формы интеграции – если кандидат окажется неспособен исполнять обязанности, вытекающие из членства. Еще одним изменением, также форсированным Францией и одобренным всеми государствами-членами, является возможность приостановить переговоры в любой момент по заявлению какого-либо члена.

Наименее дискуссионной для будущих границ Европейского союза является проблема **Западных Балкан**. Согласно позиции Европейского союза, все пять государств имеют перспективу членства, хотя и лишенную пока временных рамок для возможного вступления. Во Франции европейское призвание государств Западных Балкан не подвергается сомнению, а европейские устремления балканских государств воспринимаются как желание принять на себя жесткие обязательства, а не стремление принадлежать к определенной группировке европейских государств. Обязанностью Европы, в свою очередь, – и такое обоснование можно найти во Франции – является не только обеспечение мирного существования членам сообщества, но и его соседям, а также участие в стабилизации во всем мире. Неудача или отказ от расширения ЕС за счет Балкан из этой перспективы подтвердили бы неспособность исполнения Евросоюзом своей основной миссии и, более того,

закрепили бы конфликтные ситуации на территории европейского континента.

По мнению Европейской комиссии, Западные Балканы не представляют собой однородный блок государств, поэтому одинаковое к ним отношение не предусматривается, наоборот, каждое государство готовится к обретению статуса кандидата, а затем члена ЕС собственными ему темпами, а преодоление очередных этапов интеграции будет зависеть от индивидуальных достижений. Без принципиальных изменений остаются также критерии членства, которым очередные кандидаты будут обязаны соответствовать. Франция, отвечая на аргументацию Комиссии, обращает внимание на дополнительный критерий, который найдет свое применение после каждого нового, наступающего после принятия Хорватии, этапа расширения. Этим критерием является необходимость получения поддержки членства французским обществом. А учитывая организационные проблемы, связанные с проведением акцессионного референдума, Франция будет выступать за блоковое расширение ЕС, что позволит минимизировать организационные расходы (ибо французы будут голосовать либо за, либо против расширения, а не за или против очередного кандидата).

Сформулированный в Копенгагене список условий, которые должен выполнить как кандидат, так и государства-члены, в случае **Турции** был признан недостаточным. В частности, именно по желанию Франции он был дополнен необходимостью мирного разрешения споров с соседями и нормализацией отношений со всеми государствами-членами, включая Республику Кипр.

В свою очередь, на фундаментальный вопрос о том, является ли Турция европейским государством вообще или по крайней мере является ли она достаточно европейской, чтобы вступить в ЕС, до сих пор не найден ответ. Более того, дискуссия на тему членства Турции ведется не столько исследователями европейской проблематики вообще, сколько сторонниками или противниками принятия этого государства в ЕС.

В пользу членства говорят аргументы, которые в совокупности можно охарактеризовать как выбор меньшего зла и составляющие ответ на следующий вопрос: в интересах ли ЕС сближение с Турцией? Ответ, конечно, утвердительный, если интеграция с Евросоюзом будет означать расширение территории мира и стабильности, соблюдение прав человека и упрочение демократии. Поэтому делается упор на соблюдение Турцией принятых обязательств, а достижение предполагаемых результатов должно встретиться с соответствующим признанием. При случае во Франции подчеркиваются также обязанности, взятые на себя Европейским союзом, хотя бы когда он решился начать акцессионные переговоры. Наконец, развитая линия аргументации касается ряда предохранительных мер, отдаляющих членство, если Турция не выполнит его условия.

Противники вступления Турции в ЕС подчеркивают риск, оцениваемый как имеющий высокую степень вероятности, ослабления европейского единства и сведения многоаспектного проекта европейской интеграции к экономическим вопросам. Таким образом, через десять с лишним лет ЕС превратился бы в ничто иное, как обширную зону свободной торговли. По-прежнему вспоминаются слова Валери Жискар д'Эстена, который еще в 2002 г. утверждал, что членство Турции будет означать конец Европейского союза. Другой причиной сопротивления является культурная, и прежде всего религиозная отличность Турции. Хотя французы противятся восприятию ЕС как клуба христианских государств, они опасаются принятия в него члена, ассоциируемого с миром ислама. Культурные и религиозные отличия связываются с миграционной проблематикой – прежде всего с притоком иммигрантов, что предполагает рост социальной напряженности и возникновение возможных конфликтов между гражданами Евросоюза. Следующий аргумент против членства – армянский вопрос: Турция отказывается признать армянскую резню в 1915 г. геноцидом. Этот вопрос имеет особое значение, так как именно во Франции живет самая многочисленная в Западной

Европе армянская диаспора. Следует также помнить, что в период, предшествовавший акцессионным переговорам, Франция заявила, что признание геноцида должно стать условием начала этих переговоров. Наконец, выдвигаются аргументы геополитического характера – такие, как потенциально негативное восприятие турецкого вступления Россией, а также арабскими государствами, для которых вступление в ЕС будет означать сближение между Турцией и Израилем.

Во Франции замечены европейские устремления **Украины**, причем они воспринимаются не столько в контексте членства в ЕС, сколько как «возвращение в Европу». В то же время французские исследователи проявляют сильную тенденцию к анализу будущего Украины в контексте отношений между Европейским союзом и Россией. А последняя – в распространенном восприятии во Франции – рассматривает Украину как территорию исключительной сферы влияния, и создание перспективы членства будет воспринято как *casus belli*. Более того, во Франции появляются мнения, что отказ на референдуме от Договора, учреждающего Конституцию для Европы, означает протест против дальнейшего расширения и дает России зеленый свет для деятельности не только в отношении Украины, но и Грузии. А если рассмотрение Россией Украины как своей сферы влияния не подвергается во Франции сомнению, трудно говорить о существовании какой-либо, хотя бы даже небольшой, группы сторонников украинской акцессии в ЕС.

Сама же Россия не заинтересована в членстве в ЕС, более того, в дискуссии появляются сомнения, воспринимает ли себя это государство как европейское.

Следующим элементом дискуссии на тему Украины, если, конечно, предположить, что немногочисленные высказывания и аналитические выводы, посвященные этой проблеме, вообще заслуживают такого названия, является сосредоточение не столько на шансах Украины на членство или пользе для Евросоюза от такой акцессии, сколько на уже запланированном графике двустороннего сотрудничества ЕС-Украина в рамках

европейской политики соседства. Реализация принятых обязательств, преодоление очередных этапов либерализации экономики и модернизации государства, соблюдение принятых сроков, регулярный обзор достижений – это задачи, на выполнении которых Украина должна в настоящее время сосредоточиться. Франция глубоко убеждена, что европейская политика соседства является лучшим предложением сотрудничества – и предложением единственным.

Наконец, результаты «оранжевой революции» рассматриваются во Франции с осторожностью, как и проевропейская ориентация Украины.

Будущее дискуссии

Попытка дефинирования Европы, а скорее Европейского союза как общности – ценностей, исторического опыта, интересов, участия в глобализационных процессах – широко поддерживается государствами-членами. Государства-кандидаты, особенно те, в случае которых масштаб данной общности ограничен (напр., Турция), предлагают понимание Европы как территории скрещения различных цивилизаций, богатство которой вытекает из такой дифференциации.

Однако ясно видно, что географические критерии играют ничтожную роль. Значительно более важными являются вопросы исторического наследия, проблемы, касающиеся политики и культуры. Поэтому можно предполагать, что окончательное установление внешних границ ЕС, по мере продвижения акцессионных переговоров с Турцией, будет становиться проблемой политической, а не культурно-цивилизационной. Установление границ будет означать лишение третьих государств т. н. перспективы членства. Поэтому государства-члены будут вынуждены выработать привлекательные предложения сотрудничества, компенсирующие неизбежные разочарования, чтобы быть в состоянии активно формировать ситуацию в своем окружении.

В самой Франции несомненно появится еще много интересных концепций, можно также ожидать растущего интереса к дискуссии со стороны властей. Ибо провал референдума по вопросу о Конституционном договоре объяснялся отсутствием дискуссии о будущем Европы. А это будущее не ограничивается выработкой принципов действия институтов или реформированием очередных направлений политики. Ибо на карту поставлено не столько функционирование ЕС, сколько сам смысл его существования.